крымского хана и кабардинских князьков, но прежде всего в пределы Речи Посполитой, в Невель и на Ветку. На тульской и калужской дорогах заставы перенимают «многих людей», в частности стрельцов, которые надевали «для тайного проходу кафтаны сермяжные, и иное такое платье, чтобы их не познали».[12]

Впрочем, заставы плохо помогают. Дело в том, что тяга к перемене мест охватила и лояльных в конфессиональном отношении подданных. Социальное неустройство породило во второй половине XVII в. ряд географических утопий — о Мангазее, «серебряных и золотых островах», о Даурии, о богатом острове на «Восточном океане», потом о Беловодье.[13] Целые сибирские села и остроги исчезали неведомо куда. Петр получил не только самоистребляющуюся, но и разбегающуюся страну.

Скитальчество и «шатание меж двор» становятся и бытовым, и литературным стереотипом. Это касается самых разных слоев общества: европеизированной элиты (Симеон Полоцкий, получивший прозвание по месту рождения, учился в Киеве и Вильне, потом учительствовал опять же в Полоцке, а последних шестнадцать лет жизни провел в Москве), старообрядцев (неуловимый игумен Досифей бывал в Поморье и на Дону, появлялся в Москве, а умер на Куме, на землях тарковского владетеля), «среднего человека» (Савва Грудцын и молодец из «Горя-Злочастия» — персонажи-скитальцы). Даже старообрядческая оседлость (Выго-Лексинское общежительство, Керженец) — особого рода. Она исходит из ощущения отверженности и особности, из стремления создать «государство в государстве», некую новую Фиваиду в чуждом и враждебном отечестве, поправшем заветы отцов.

Не случайно ментальность сочинений 1680—1690-х гг. можно означить словами мятеж и вражда. «Волны и твердь, волны и ладья, пучина воли и корабль, яростное море и „самодержавство“, буря и нечто, противостоящее ей, — так о России, о ее внутриполитическом (а не внешнеполитическом) состоянии <. . .> раньше не писали. Придворные авторы конца XVII в. испытывали ощущение глубокой разделенности русского общества <. . .> С конца 1680-х годов представления авторов о раздробленности общества усугубились; в России, судя по авторским высказываниям, ссорились все со всеми: „. . .начаша люди зело ради неправд и нестерпимых обид себе стужати и друг на друга глаголати, яко той неправду деет, иный на того, наипаче же на временников и великих судей и на началных людей“ <. . .> „словесы ласкаем, но делы снедаем всех люте“ <. . .> „паче день дне и час часа <. . .> между духовными и мирскими людми то умножают“».[14]

Ментальность литературная есть лишь выражение ментальности эпохальной и национальной. Если когда-нибудь напишут

---

[12] Цит. по: *Зеньковский С. А.* Русское старообрядчество. С. 430.

[13] См.: *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. С. 11.

[14] *Демин А. С.* Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 229—232.